

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ
МОЗАИКА
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

От 22 июня до Курской дуги

Правдивая история России

Алексей Исаев

**Мозаика Великой Отечественной.
От 22 июня до Курской дуги**

«Яуза»

2022

УДК 63.3(0)
ББК 94

Исаев А. В.

Мозаика Великой Отечественной. От 22 июня до Курской дуги /
А. В. Исаев — «Яуза», 2022 — (Правдивая история России)

ISBN 978-5-00155-518-6

НОВАЯ КНИГА ведущего военного историка – это настоящая мозаика Великой Отечественной войны. 22 июня 1941 г., действия диверсантов из 800-го полка особого назначения «Бранденбург», танковая война в Заполярье летом 1941-го, прорыв «Линии Сталина» на Украине, Битва за Москву, наступления под Ржевом и к северу от Сталинграда, сражения за Севастополь и на Курской дуге – вот лишь отдельные фрагменты той мозаики ожесточенных боевых действий, которые ждут читателя на страницах этой книги. «Вашему вниманию представляется сборник статей, из числа написанных мной для различных изданий. Не все из них были доступны широкой публике. Однако дело не только в аудитории материалов. За время, прошедшее с момента написания этих статей, в распоряжении автора появились новые документы, были выявлены новые факты, наконец, имеющийся материал был переосмыслен с точки зрения накопленного исследовательского опыта... Появлению новых документов способствовала «Архивная революция» последних лет, упростившая доступ к документам как российских, так и зарубежных архивов и позволяющая обработать больше дел, чем это ранее было возможно в читальных залах...» Алексей Исаев, кандидат исторических наук. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 63.3(0)
ББК 94

ISBN 978-5-00155-518-6

© Исаев А. В., 2022

© Яуза, 2022

Содержание

Предисловие	7
Нестандартное 22 июня	8
Крепкие стены старой крепости	9
Нет сил обороняться? Наступай!	10
Двойной удар	12
Перемышль: успех или замаскированный провал?	14
«Первый блин» полковника Федюнинского	16
Алитус: лучше бы приказ не дошел	17
Пусть враг заплатит по максимуму!	18
Случайности и закономерности	19
Большая политика	20
«Могла бы произойти катастрофа...»	23
«Первый раунд. Разя огнем, сверкая блеском стали...»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Исаев
Мозаика Великой Отечественной:
От 22 июня до Курской дуги

© Исаев А.В., 2022

© ООО «Яуза-каталог», 2022

* * *

Предисловие

Вашему вниманию представляется сборник статей из числа написанных мной для различных изданий в течение последних полутора десятков лет. Не все из них были доступны широкой публике.

Однако дело не только в аудитории материалов. За время, прошедшее с момента написания этих статей, в распоряжении автора появились новые документы, были выявлены новые факты, в конце концов, имеющийся материал был переосмыслен с точки зрения накопленного исследовательского опыта. Так, например, история генерала Потатурчева, командира 4-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса, казалась прозрачной. Тем не менее расшифровка некоторых записей в УПК генерала существенно поменяла картину и добавила загадок.

Одним из стимулов работы является восстановление доброго имени людей, обвиняемых на страницах одних документов, но далеко не всегда справедливо обвиненных с точки зрения всего комплекса источников по конкретному эпизоду. Появлению новых документов способствовала «архивная революция» последних лет, упростившая доступ к документам как российских, так и зарубежных архивов и позволяющая обработать больше дел, чем это ранее было возможно в читальных залах. Более того, оцифровка позволяет выявлять доклады, написанные о событиях 1941 г. в 1942 г., что, конечно, трудно назвать «по горячим следам событий», но, во всяком случае, не хуже написанных десятилетия спустя мемуаров.

Переосмысления может также потребовать изменившееся за истекшее время состояние историографии вопроса. Работы коллег-историков углубляли наши общие знания о событиях войны. В некоторых случаях они могли сделать то, что недоступно гражданам России. Например, исследовать на местности состояние и положение укреплений «Линии Сталина» на Украине. В итоге оценка событий могла если не поменяться радикально, то потребовать корректировки и смены акцентов. Целесообразнее всего это сделать именно в форме сборника.

Нестандартное 22 июня

Операция «Барбаросса» планировалась долго и скрупулезно – дольше, чем «Блау» или «Цитадель». Удары вермахта в июне 1941 года оказались быстрыми и оглушительными. Однако большой ошибкой было бы считать, что в первый день войны у немцев все шло гладко, – точно так же, как далеко не везде по катастрофическому сценарию прошли бои для Красной армии.

Обстоятельства вступления Красной армии в войну не способствовали эффективному сопротивлению. Главные силы большинства назначенных в планах прикрытия для обороны границы соединений находились в летних лагерях и казармах, хорошо если не в десятке-другом километров от пограничных столбов. Непосредственно на границе оставались отдельные стрелковые батальоны этих дивизий.

В результате и без того достаточно разреженное прикрытие западных рубежей превращалось в эфемерную завесу. Наличие близ границ строительных частей не улучшало, а ухудшало положение: ринувшиеся в тыл безоружные стройбаты, имевшие лишь по несколько десятков винтовок и револьверов, оказывали деморализующее и дезорганизирующее влияние на боевые части.

Все это известно. Однако всегда интересны отклонения от общего шаблона – как в одну, так и в другую сторону: как упорное сопротивление со стороны Красной армии, вплоть до срыва первоначальных планов противника, так и упущенные возможности организации устойчивой обороны. Такое тоже имело место: изначально благоприятные позиции и соотношение сил, возможности которых не были использованы. Ведь не везде на линии границы вермахт был одинаково силен: на вспомогательных направлениях условия вступления в бой для советских частей оказывались благоприятнее, нежели под ударом парового катка танковых групп.

Крепкие стены старой крепости

Первым и самым известным примером ситуации вида «что-то пошло не так» является штурм Брестской крепости. При этом мина замедленного действия оказалась заложена в самом плане наступления 45-й пехотной дивизии генерал-майора Фрица Шлипера (Fritz Schlieper). Прочность стен и перекрытий старой крепости недооценивалась, и для ее разрушения немцы не подготовили соответствующих артсистем. Реактивные минометы и орудия калибра 150 и 210 мм не могли сокрушить крепостные сооружения – они сметали все во дворах цитадели и фортгов, но не пробивали казематов.

Следующим неверным ходом стал достаточно расслабленный штурм, когда два пехотных батальона немцев попали под обстрел из пулеметов с последующей гибелью командиров и потерей управления. В совокупности все это позволило выжить костяку гарнизона и организовать упорную оборону крепости.

С другой стороны, нельзя не признать: для достижения того же эффекта достаточно было меньших сил, чем запертые в Брестской крепости батальоны двух советских стрелковых дивизий и отдельных частей.

Нет сил обороняться? Наступай!

В случае с Брестской крепостью немцы сами допустили ошибки. Поэтому вопрос «Можно ли считать это полноценным примером успеха в обороне?» вполне уместен. Однако Красная армия добивалась результатов выше ожидаемых и при практически безошибочных действиях противника. Такой случай произошел южнее Бреста – в соседнем Киевском особом военном округе, под Владимиром-Волынским. Тут немцы с любой точки зрения действовали правильно. Именно здесь переодетые в советскую форму диверсанты «Бранденбурга» захватили важный мост у Выгоданки.

Переправа немецких пехотинцев через Буг в резиновых лодках.

Вопреки выраженным в словах известной песни пропагандистским заявлениям «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей клочка не отдадим» строительство укреплений перед войной здесь велось с учетом военной целесообразности. В связи с этим очертания переднего края участков обороны Владимир-Волынского укрепрайона не повторяли линию границы, проходившей по Бугу. Выступ границы в сторону Генерал-губернаторства (оккупированной Германией Польши), образованный изгибом русла Буга в районе Лудина, не оборудовался для длительной обороны. Позиции опорных пунктов укрепрайона «Янов» и «Поромов» находились в основании выступа.

Успешно форсировавшая с помощью «бранденбуржцев» Буг 44-я пехотная дивизия вермахта, углубившись на советскую территорию, столкнулась с узлом обороны «Янов» Владимир-Волынского УРа и застряла в боях за него. Соседняя 298-я пехотная дивизия встретила с упорным сопротивлением в опорном пункте «Корчунев» того же укрепрайона. Тем временем ответственная за этот участок советская 87-я стрелковая дивизия была поднята по тревоге и начала марш к границе. На подступы к Владимиру-Волынскому части дивизии вышли около 09:00, но о каком занятии позиций на границе по плану прикрытия уже не могло быть и речи.

Собрав свое соединение в кулак, командир 87-й сд генерал-майор Ф. Ф. Алябушев принял решение контратаковать плацдарм немцев у Устилуга (западнее Владимира-Волынского) и тем самым предотвратить захват города и развитие наступления немцев вдоль шоссе на Луцк. Алябушев мог, конечно, растянуться в нитку в назначенной ему широкой полосе обороны и ждать, пока его раздавят. Приняв рискованное решение на контрудар, комдив обеспечил деблокирование части узлов обороны УРа и предотвратил развитие прорыва вдоль шоссе.

Погибший через считанные дни генерал Алябушев не знал и не мог знать планов противника, но его решение имело далеко идущие последствия. Контрудар 87-й стрелковой дивизии пришелся по важнейшему для противника участку. Ввод 22 июня в бой 14-й танковой дивизии немцев и ее прорыв в глубину советской территории не состоялся. Более того, со скандалом и спорами немецкое командование приняло решение поменять первоначальный план и перенаправить под Владимир-Волынский 13-ю танковую дивизию поперек тыловых колонн 6-й немецкой армии. Это было первое из отклонений от первоначального плана, которые в дальнейшем станут системой и приведут к краху «Барбароссы». На вопрос, где был сделан первый шаг к этому, можно уверенно ответить: под Владимиром-Волынским.

Двойной удар

В свое время большую известность получили действия под Рава-Русской 41-й стрелковой дивизии генерал-майора Г. Н. Микушева. Они обросли множеством легенд – начиная от проникновения на территорию противника и заканчивая занятием обороны до начала военных действий вопреки указаниям начальства. На самом деле 41-я сд так же, как и другие стрелковые дивизии особых округов, выдвигалась к границе уже после начала боевых действий. Микушев лишь несколько ускорил процесс указанием «не ждать полного построения частей... выдвигаться по мере готовности подразделений».

Бой, ставший легендой, состоялся во второй половине дня 22 июня. Наступавшие на этом участке 24-я и 262-я пехотные дивизии IV армейского корпуса немцев застряли на позициях Рава-Русского укрепрайона. Между двумя немецкими дивизиями имелся уступ, который Микушев использовал для контрудара во фланг 262-й дивизии. Успеху контрудара способствовало то, что соединению Микушева был придан корпусной артполк со 152-мм орудиями.

Атаковав во фланг 262-ю пд, части советской 41-й сд оттеснили противника к границе. В штабе группы армий «Юг» происходившее описали словами: «262-я пд оказалась подвержена боязни противника и отступила». Казалось бы, самое время почивать на лаврах, однако генерал Микушев принял нестандартное решение. Заставив отступить и встать в оборону с расстрелом снарядов в никуда одну немецкую дивизию, он... развернулся и ударил по второй! Причем, если судить по немецким донесениям, произошли эти события с минимальной паузой.

Левое крыло 24-й пд оказалось отброшено назад. В итоге 41-я сд не только обеспечила удержание вверенного участка обороны, но и оказала влияние на обстановку в масштабах фронта и группы армий. В случае успешного прорыва обороны немцы предполагали ввести в прорыв по проходившему здесь шоссе через Рава-Русскую XIV моторизованный корпус. Это имело бы поистине катастрофические последствия для Юго-Западного фронта и, скорее всего, не позволило бы организовать контрудары во фланг наступающим на Луцк и Дубно корпусам 1-й танковой группы.

Подводя черту под действиями генерала Микушева, следует ответить на вопрос: а было ли вторжение на территорию противника? Конечно, утверждения вроде «советские части пересекли границу и гнали врага 3 километра» для 22 июня 1941 года – не более чем фантазии. Однако пересечение Красной армией границы с востока на запад все же имело место. Это произошло вечером 22 июня в полосе упомянутой 87-й сд генерала Алябушева. По немецким документам фиксируется вторжение «двух русских рот с артиллерией» в 4 километрах севернее селения Маче на западном берегу Буга. Для отражения этой вылазки явно разведывательного характера уже глубокой ночью на 23 июня немцы задействовали батальон мотопехоты из ждавшей своей очереди на прорыв 14-й танковой дивизии. Советские документы на этот счет предсказуемо отсутствуют, и назвать имена тех, кто уже 22 июня 1941 года воевал на чужой территории, к большому сожалению, пока нельзя.

И.И. Федюнинский. На фото в звании генерал-майора.

Перемышль: успех или замаскированный провал?

Начитанный любитель истории в этом месте скажет: «А теперь нам расскажут про Перемышль». Он будет прав, но с важной оговоркой. Собственно, на действиях 99-й стрелковой дивизии полковника Н. И. Дементьева под Перемышлем проходит водораздел между удачными действиями Красной армии и ее упущенными возможностями.

Город Перемышль находился на периферии задач немецкой 17-й армии, и для действий в городе выделялась всего одна усиленная рота. Справиться с ней Красная армия, конечно, справилась. Но одновременно был пропущен кризис, возникший на смежном участке Львовского выступа. Здесь форсировали реку Сан и наступали две немецкие пехотные дивизии – 257-я и 68-я.

Форсирование Сана подразделениями 257-й пд на рассвете 22 июня происходило в такой тишине, что самым громким звуком на этом участке было кваканье лягушек. Наступавшие даже слышали глухую канонаду под Равой-Русской. Без единого выстрела и без всяких «бранденбуржцев» немцы захватили железнодорожный мост в Радымно и одновременно переправились через Сан на резиновых лодках. Происходило все это на правом фланге советской 99-й стрелковой дивизии.

Точно так же, практически без противодействия, форсировала Сан у Ярослава 68-я пд. Немцев не удалось сдержать даже после их выхода к ДОТам Рава-Русского укрепрайона. Здесь так же, как и под Устилугом, цепочка ДОТов располагалась в основании выступа границы. Но ни УРОВские части, ни пехота ответственной за выступ границы 97-й сд сравнимого результата в обороне не добились. Командир этого соединения полковник Н. М. Захаров не сумел спланировать и реализовать контрудары, схожие с действиями Микушева или Алябушева.

Генерал-полковник Герман Гот, командующий 3-й танковой группой.

Если неудачу атакованной сразу четырьмя дивизиями противника 97-й сд можно было оправдать превосходством врага и сковыванием соединения оборонительными боями, то командир 99-й сд проявил труднообъяснимую пассивность, не будучи скованным сколь-нибудь значимыми силами врага. При этом никакой паники на этом участке фронта не было. В журнале боевых действий 257-й пд по итогам первого дня отмечалось: «Русские являются упорными и храбрыми бойцами, часто действующими из засады и обладающими хорошими навыками стрельбы».

Позже танки советского 4-го мехкорпуса устроят избиение 68-й пд: командование 17-й армии вынуждено будет вывести ее из боя во второй эшелон. Но это случится позже, да и 4-й мехкорпус был самым ценным ресурсом всего Юго-Западного фронта. А вечером 22 июня 1941 года 68-я и 257-я пехотные дивизии вермахта прорвали советскую оборону и создали опасный разрыв между советскими 6-й и 26-й армиями на вспомогательном направлении. Возможность сдержать врага на рубеже Сана или хотя бы на позициях укрепрайона оказалась упущенной.

«Первый блин» полковника Федюнинского

Еще одним направлением, на котором Красная армия вполне могла достичь локального успеха, было ковельское. Крупный дорожный узел на подступах к Полесью, Ковель лежал в стороне от направления главного удара как 1-й, так и 2-й танковых групп вермахта. Отвечал за оборону на Ковельском направлении 15-й стрелковый корпус под командованием полковника И. И. Федюнинского. Немцы выделили для продвижения по оси Хелм – Ковель XVII армейский корпус генерала от инфантерии Вернера Киница (Werner Kienitz) в составе всего двух пехотных дивизий – 56-й и 62-й. Федюнинский мог противопоставить им свои 45-ю и 62-ю стрелковые дивизии. Подтянутая решением Военного совета округа от 11 июня на ковельское направление 62-я сд существенно улучшила соотношение сил для советских войск, и оно стало вовсе не таким разгромным, как на других участках границы с оккупированной немцами Польшей.

Несмотря на типичные для 22 июня проблемы, связанные с разбросанностью частей, 45-я и 62-я сд находились в хорошей форме. Их личный состав освоил самозарядные винтовки СВТ, дивизионная артиллерия обоих соединений к 22 июня вернулась из летних лагерей в Сарнах. Возглавлял 45-ю сд толковый командир, 50-летний генерал-майор Г. И. Шерстюк – бывший царский прапорщик, в Гражданскую успевший послужить и у денкинцев. На советские войска работали даже последствия боев сентября 1939 года – железнодорожный мост через Буг на линии Хелм – Ковель был взорван, и после установления демаркационной линии между СССР и Германией острой хозяйственной необходимости его восстанавливать не было. Коварным «бранденбуржцам» захватывать здесь было просто нечего! Части корпуса Киница были обречены на наведение переправ и форсирование реки с боем.

Первый раунд немцы ожидаемо выиграли: форсирование Буга на рассвете произошло без серьезных столкновений. Однако движение по наведенным переправам застопорилось. В журнале боевых действий XVII корпуса указывалось:

«На ведущих к мосту дорогах скапливаются войска и колонны всех видов оружия, которые хотят переправиться. На другом берегу не хватает артиллерии для поддержки дальнейшего наступления».

Хаос на переправах вынудил самого командира корпуса генерала Киница отправиться к переправе и наводить там порядок. Немецкий генерал считал нужным лично разобраться с проблемным участком, а вот полковник Федюнинский весь день просидел в Ковеле, вдали от фронта.

После подтягивания к границе главных сил двух советских дивизий последовал контр-удар. 61-й стрелковый полк 45-й стрелковой дивизии под командованием полковника Г. С. Антонова заставил отступить 192-й полк немцев. Командир 56-й пехотной дивизии генерал-майор Карл фон Офен (Karl von Oven) определил положение в полосе 192-го полка своей дивизии как «нехорошее». В 20:45 штабом XVII корпуса был отдан приказ, который требовал отвести продвинувшуюся дальше всех на Заполье группу дивизии – 171-й пехотный полк. Отвод был произведен в ночь на 23 июня. Таким образом, приказ на отход, отданный генералом Шлипером частям 45-й пд в Брестской крепости, стал первым, но не единственным за 22 июня немецким приказом на отход на Восточном фронте.

Увы, достигнутый 15-м стрелковым корпусом успех не был развит. Вместо решительного удара по главной группировке XVII армейского корпуса с возможным привлечением 41-й танковой дивизии и перегруппированных с пассивных участков фронта частей Федюнинский ограничился усилением 45-й стрелковой дивизии и локальными задачами. Пассивность и отказ от дальнейших наступательных действий привели к закономерному итогу: следующий день принес 15-му корпусу неудачи. Действия Федюнинского, который позже станет генерал-полковником, в первый день войны назвать удачными никак нельзя.

Алитус: лучше бы приказ не дошел

Был на советско-германском фронте и участок, где ухудшения обстановки можно было избежать... простым бездействием. Это Алитус, город на юге Литвы. В нем до войны дислоцировалась 5-я танковая дивизия полковника Ф. Ф. Федорова, располагавшая пятью десятками новых Т-34. Утром 22 июня она была выведена из города с целью занять оборону на широком фронте по Неману.

Это привело к захвату Алитуса буквально с марша передовыми частями немецкой 7-й танковой дивизии, и танкистам Федорова пришлось город отбивать. Если бы 5-я танковая осталась в Алитусе, его штурм обернулся бы для немцев куда большими проблемами; налицо обидный промах, недооценка важности контроля над коммуникациями. Лучше бы приказ на выход из города до штаба соединения утром 22 июня не дошел.

Пусть враг заплатит по максимуму!

Приведенные примеры показывают, что постройка УРов на новой границе давала Красной армии несомненное преимущество. Неудачи в Прибалтике в немалой степени объясняются низкой готовностью укрепрайонов на этом направлении. Существовал порог полевого заполнения укрепрайонов высокой степени готовности, делающий их непробиваемыми за часы и даже дни, и своевременное выдвижение войск к границе даже до своего полного завершения позволило бы избежать катастрофического развития событий. «Было бы только хуже» – неверное утверждение!

Второй вывод – положительный эффект активных действий. Активность Алябушева и Микушева позволила сдержать немцев даже в неблагоприятных условиях, а пассивность Дементьева и Федюнинского, напротив, способствовала углублению кризиса. Активная стратегия Красной армии в последующие месяцы стала одной из главных причин краха плана «Барбаросса». Однако выбор, где и как «активничать» с пользой для дела, разумеется, был очень непростым. Военное дело – искусство едва ли не в большей степени, чем наука.

Третий вывод, который можно сделать, – это необходимость внимания к крупным магистралям. Акцент на борьбу по оси шоссе на Луцк принес значимый эффект от действий генерала Алябушева, попытка же распылить силы по рубежу Немана в ущерб защите узла дорог привела к негативным последствиям в борьбе полковника Федорова за Алитус. Акцент на магистралях, конечно, не гарантировал успеха, но противник в любом случае лишался легкой победы.

Главной задачей для Красной армии в первые дни и недели войны, последовавшие за 22 июня 1941 года, стало принуждение противника платить за вполне предсказуемые и предопределенные успехи максимально высокую цену.

Случайности и закономерности

Весной и летом 1941 г. нарушения границы совсем не были из ряда вон выходящим происшествием в Генерал-губернаторстве. Однако обычно заблудившиеся красноармейцы стремились как можно быстрее покинуть территорию чужого государства. Этот же солдат со знаками различия Красной армии, напротив, сразу же бросился навстречу немецкому патрулю. Он повторял только одно слово:

«Ангриф! Ангриф!» (наступление – нем.). Солдат промок до нитки: было понятно, что он вплавь преодолел Буг. Перебежчика доставили в штаб. Добровольный помощник вермахта с белой повязкой на руке, сбиваясь, торопливо переводил офицеру слова нежданного гостя из СССР. Однако при всех недостатках перевода основная мысль была понятна: Красная армия скоро перейдет границу и ударит по Германии. Перебежчик был призван в недавно присоединенных к СССР западных областях Украины и отнюдь не горел желанием принимать участие в войне в рядах Рабоче-Крестьянской Красной армии. Еще до окончания допроса последовал звонок в вышестоящий штаб. Нельзя сказать, что там эти сведения вызвали удивление: донесения разведки в последние дни были все тревожнее. Однако в готовившихся к операции «Барбаросса» штабах эти доклады воспринимали лишь как вполне ожидаемые контрмеры Красной армии перед лицом возможного нападения. Теперь же события принимали неожиданный оборот. Вскоре сотни тысяч людей пришли в движение. Солдаты и офицеры пехотных частей вермахта занимали позиции в приграничных укреплениях. Томительное ожидание длилось недолго: буквально на следующее утро загрохотала артиллерийская подготовка. Война началась...

Танки PzKpfw38(t) 7-й танковой дивизии на марше.

Я буду описывать такими вставками курсивом эпизоды войны, которой никогда не было: первого удара Красной армии в 1941 г. Прошу не забывать, что реальные события были куда страшнее и трагичнее. Однако прошу отнестись к этому снисходительно: анализ альтернативных вариантов развития событий является одним из инструментов изучения истории. Это своего рода мысленный эксперимент, позволяющий нам понять узловые точки и оценить наиболее значимые факторы реальных событий. Лирические отступления с моделированием событий лишь призваны иллюстрировать анализ ситуации и вариантов развития боевых действий. Представьте, что это строки из книги по истории, которую написали бы по итогам альтернативного развития событий.

Большая политика

Удар по Гитлеру первыми традиционно негативно оценивается в отечественной литературе. Впрочем, нельзя сказать, что эта точка зрения является доминирующей. Тем не менее иногда даже звучат слова о том, что Сталин правильно сделал, что дождался нападения Гитлера и не стал нападать сам. Это якобы дало неоспоримые моральные преимущества. Однако это представляется попыткой сделать хорошую мину при плохой игре. Никакого перевешивающего все и вся морального преимущества этот факт не давал.

Германия себя уже вполне дискредитировала и в достаточной мере сама проявила себя как агрессор. Поэтому вступление в войну против нее с большим трудом можно было бы интерпретировать как агрессию. Ситуация с Финляндией в 1939 г. была все же принципиально другой. Сомнения относительно адекватной оценки вступления СССР в войну ударом по Германии проистекают не в последнюю очередь ввиду демонизации Запада.

Однако демонизированный Запад имеет примерно такое же отношение к действительности, как и голливудский советский генерал, пьющий водку из samovar в промежутках между играми с дрессированным медведем. У Запада были свои интересы – и уничтожение как «первого в мире государства рабочих и крестьян», так и России в том или ином виде никогда не было *idee fixe* западных стран. Я веду здесь речь не об отдельных политиках, а об общих тенденциях европейской и англо-американской политики. Более жесткое разделение на два противоборствующих лагеря произошло только с началом холодной войны.

Политические и военные реалии 1941 г. все же принципиально отличались от реалий 1947 г. или 1950–1960 гг. На внешнеполитическом фронте вступление СССР в войну с Гитлером в любом случае было бы воспринято как возвращение в клуб Сил Добра, из которого он оказался исключен сначала ввиду пакта Молотова – Риббентропа (но это еще было полбеда), а затем ввиду нападения на Финляндию и силового присоединения прибалтийских государств.

Танк Pz.II и 20-мм зенитка на прикрытии моста у Алитуса.

К слову, о Финляндии. Вполне возможно, что в случае первого удара Красной армии Финляндия заморозила бы свои планы по вступлению в войну совместно с немцами. Впрочем, если бы даже финское руководство сохранило свой прежний курс, вряд ли бы это оказало немедленное влияние на ход боевых действий.

С точки зрения внутренней пропаганды объяснение «почему мы начали первыми?» будет, разумеется, непростым делом. Однако в определенной степени это будет соответствовать слоганам предвоенной агитации о «малой крови» и «чужой территории» (в их поп-восприятии). Кроме того, лучшей пропагандой правильности выбранного курса всегда были военные успехи. Или же, скажем мягче, отсутствие крупных провалов. Потеря сначала вновь приобретенных в 1939–1940 гг. земель, а затем и Минска, Смоленска, Киева была куда более значимым ударом по общественному сознанию, чем гипотетические моральные терзания относительно бремени ответственности за первые выстрелы. Если положить на одну чашу весов удар первыми, а на другую – потерю большой территории и бомбежки городов в глубине страны, то вторая чаша однозначно перевешивает. Многие люди попросту теряли веру в победу, начинали сомневаться в целесообразности жертв. В концентрированном виде это выглядело примерно так:

«Если мы все равно проиграем (проигрываем), то кому будет нужна моя гибель?» Также крупные и очевидные неудачи неизбежно порождали сомнения в эффективности высшего руководства страны. На всякий случай подчеркну: «крупные и очевидные неудачи». То есть те, которые невозможно скрыть средствами военной цензуры и которые придется признавать публично в прессе и на радио голосом Левитана. Провал масштаба окружения армии Самсонова в 1914 г. советская пропаганда смогла бы без труда скрыть от широкой общественности. В отличие от Николая Второго у Сталина не было в столице парламентского балагана, в котором малосведущие люди учили бы его, что делать, и морально осуждали его реальные и мнимые просчеты. Слухи и сплетни в армейской среде также можно было без труда подавлять средствами цензуры и нажимом со стороны политорганов.

На бытовом уровне люди все же понимали, что превентивный удар может быть вызван военной необходимостью. Несмотря на паузу с осени 1939 г. по весну 1941 г., «фашизм» (принятое в СССР наименование нацизма) был вполне успешно позиционирован как абсолютное зло. Превентивный удар по такому врагу был бы, несомненно, воспринят населением СССР в целом благожелательно. На фоне сообщений ровным голосом Левитана о боях в районе Ломжи, Перемышля, а то и Седлеца решение руководства ударить первыми получило бы поддержку общества. В СССР чувствовали приближение войны, ее начало хотя и было неприятным известием, но по большому счету никого не удивило и не поразило как гром среди ясного неба.

Первые выстрелы быстро делят мир на своих и чужих. Слова известной песни «Киев бомбили» наверняка останутся на своем месте даже в случае «начинаем первыми».

Захваченный немцами Алитус. Хорошо видны следы боев.

И Минск, и Киев, и многие другие города наверняка подвергнутся немецким бомбардировкам с воздуха вне зависимости от того, кто будет инициатором войны. Разрушенные здания, убитые мирные жители будут взывать к мщению. Одним словом, на внутривнутриполитическом фронте удар первыми был бы также воспринят скорее благожелательно, нежели однозначно отрицательно.

«Могла бы произойти катастрофа...»

Если с политическими последствиями и перспективами ситуация практически очевидная, то оценка возможностей Красной армии в «первом ударе» является куда более сложным делом. Неудачи лета 1941 г. – это достаточно серьезный аргумент против возможности успешного ведения советскими войсками наступательных операций против германской армии. В сущности, когда мы рассуждаем о возможном исходе сражения полностью развернутой и отобилизованной РККА с вермахтом, мы должны ранжировать причины поражений в реальном 1941 г. Что было главным в длинном списке причин неудач? Упреждение в развертывании и мобилизации? Низкие профессиональные качества командного состава? Неудовлетворительная тактическая выучка бойцов и младших командиров? Посредственные характеристики боевой техники?

Как многие, наверное, и так знают, я придерживаюсь мнения о преобладании стратегических причин неудач 1941 г. По моему мнению, по своей значимости и весу фактор «упреждение в мобилизации и развертывании» значительно превосходит все остальное. Причем дело не только в ближайших последствиях упреждения Красной армии вермахтом, но и в долгосрочных последствиях этого события. Разгром армий особых округов ухудшал условия вступления в бой для остальных соединений и объединений Красной армии. Соотношение сил, в котором в бой вступали армии из внутренних округов, было заведомо хуже, чем в отсутствие разгрома многих дивизий и корпусов в приграничном сражении.

Соответственно, после разгрома армий внутренних округов новые формирования опять же вступали в бой в худшем соотношении сил с немцами, нежели в отсутствие поражения (и исключения из боевого состава Красной армии) своих предшественников. Поэтому фактор «упреждение в развертывании» оказывается весьма значимым и «долгоиграющим». Фактически вся летне-осенняя кампания 1941 г. была для Красной армии преодолением печальных последствий упреждения в мобилизации и развертывании.

Однако было бы непростительной ошибкой приравнять к нулю значимость и вес всех остальных факторов поражения советских войск. Серьезные проблемы с боевой подготовкой и отсутствие полноценных механизированных соединений тоже играли свою роль. Также будет влиять на исход многих сражений недостаточный опыт советских командиров и командующих. Разумеется, в варианте «Красная армия начинает» все эти факторы сохранятся и будут влиять на развитие событий. Весь вопрос в том, насколько сильно будет это влияние. Приведет оно или нет к поражению советских войск в первой операции?

Надо сказать, что нам в какой-то мере повезло. Относительно перспектив такого сражения есть мнение безусловно авторитетного человека – маршала Г. К. Жукова. Причем он высказывался на эту тему даже дважды. В первый раз это был неопубликованный при жизни Георгия Константиновича отзыв на статью Василевского. В нем Жуков сформулировал свою мысль следующим образом:

«Думаю, что Советский Союз был бы разбит, если бы мы все свои силы развернули на границе... Хорошо, что этого не случилось, а если бы главные наши силы были бы разбиты в районе государственной границы, тогда бы гитлеровские войска получили возможность успешнее вести войну, а Москва и Ленинград были бы заняты в 1941 году».

Формулировка, надо сказать, предельно жесткая. Вместе с тем следует отметить, что главные силы Красной армии и так были разгромлены в первые недели войны. Произошло это, правда, последовательно, в приграничном сражении и в боях на рубеже Западной Двины и Днестра. Жуков это прекрасно знал.

Через некоторое время он снова высказался на эту же тему в разговоре с историком В. А. Анфиловым о проекте «Соображений...» от 15 мая 1941 г. в 1965 г. Георгий Константинович

тогда сказал: «Сейчас же я считаю: хорошо, что он не согласился тогда с нами. Иначе при том состоянии наших войск могла бы произойти катастрофа гораздо более крупная, чем та, которая постигла наши войска в мае 1942 года под Харьковом».

Обычно этими двумя фразами Жукова размахивают в качестве оценки возможностей Красной армии противостоять вермахту даже в самых благоприятных для нее условиях. Звучат грозные слова: «Вот и ответ тем, кто ныне считает, что напади Красная армия первой в 1941 г., то она бы показала рейху “кузькину мать”...». Фактически здесь получается продолжение спора о роли различных факторов в поражении Красной армии. С опорой на слова Жукова выдвигается тезис о доминировании такого фактора, как боевая подготовка войск и штабов в трагедии 1941 г.

Однако так ли очевидны и однозначны оценки советского военачальника? Должен сказать, что Георгий Константинович был человеком неглупым, а местами даже ехидным. В тех случаях, когда он не мог по цензурным соображениям высказаться прямо, он вполне успешно использовал эзопов язык, понятный посвященным. Человеку, знакомому со статистикой войны, в глаза сразу бросится сравнение с Харьковом 1942 г. Собственно, упомянутая Жуковым катастрофа Юго-Западного фронта была далеко не самым крупным поражением советских войск. Киевский котел, поражение под Вязьмой и Брянском на начальном этапе битвы за Москву оставляют харьковский провал далеко позади. Тогда, в мае 1942 г., в окружение попали 250 тыс. человек. Под Киевом немцы окружили более 500 тыс. человек, окружение трех фронтов в октябре 1941 г. поглотило почти 600 тыс. человек. Харьков вполне уверенно занимает промежуточное положение между разгромами одной-двух армий (Умань, Мелитополь, Белосток, Смоленск) и окружением сразу целых фронтов.

Это означает, что два высказывания Жукова ни в коей мере не являются эквивалентными друг другу. В первом случае оценки предельно жесткие и перспективы мрачные, во втором Жуков достаточно оптимистично оценивает масштабы возможной катастрофы. Это заставляет сделать вывод, что Георгий Константинович откорректировал свое мнение и значительно смягчил оценку ситуации. От «Москва и Ленинград были бы заняты» он пришел к сравнению с Харьковом мая 1942 г. Можно также предложить еще одну интерпретацию слов маршала. Как известно, выстоять в 1941 г. позволила «перманентная мобилизация», то есть формирование новых соединений вразрез с МП-41. В случае начала войны с главными силами Красной армии на границе решение о новых формированиях могло быть принято с опозданием, а то и не принято вовсе. Это могло привести к печальным последствиям. Впрочем, скорее всего, Жуков просто изменил свое мнение и смягчил оценку ситуации.

Подбитый немецкий танк 38(t). Такие машины составляли основу танкового парка 3-й ТГр.

Так или иначе, у нас есть только самая общая оценка перспектив первой операции войны без упреждения Красной армии в мобилизации и развертывании. Что же можно сказать о ходе боевых действий? Хорошо известный многим английский публицист оценил перспективы советского наступления как радужные и даже блестящие. Он написал о «войне, которой не было», так: «В августе 1941 года Второй стратегический эшелон завершил Висло-Одерскую операцию, захватив мосты и плацдармы на Одере. Оттуда начата новая операция на огромную глубину». То есть, по его расчетам, с 6 июля по август 1941 г. была бы пройдена вся территория от новой границы до Вислы с захватом плацдармов, а в августе – повторен успех реального января 1945 г.

Одно можно сказать определенно: проецирование на «альтернативный 1941 г.» таких блистательных операций реальной войны, как Висло-Одерская, Львовско-Сандомирская, Яско-Кишиневская и «Багратион», совершенно безосновательно. Обстановка на земле и в воздухе в период проведения этих безусловно успешных операций была принципиально другой, чем та, которая могла возникнуть в альтернативном 1941 г. без упреждения в мобилизации и развертывании. Дело даже не в очевидных частностях, например, в отправке в реальном декабре 1944 г. IV танкового корпуса СС в Венгрию. В альтернативном 1941 г. такое решение вряд ли будет принято. Просто ввиду того, что времени на прорыв к Будапешту просто не хватит. В реальности к нему шли всю осень 1944 г. и даже большую часть декабря 1944 г. В альтернативе «Красная армия бьет первой» берлинско-варшавское направление будет для немцев главным изначально, его ослабление представляется крайне маловероятным.

Каковы же перспективы наступления Красной армии на запад в таких условиях? Прежде всего необходимо обратить внимание на общее соотношение сил противников на Восточном фронте. В период побед Красной армии в 1944–1945 гг. оно было иным, нежели возможное соотношение сил в ходе гипотетического «первого удара». Так, на 1 июня 1944 г. Германия имела в составе действующей армии на Восточном фронте 2,62 млн человек против 6,7 млн человек в составе советских действующих фронтов и отдельных армий. Иногда называются даже меньшие цифры. По данным Мюллера-Гиллебранда, на 1 июля 1944 г. в действующей армии на востоке было 2,16 млн человек, включая полевые части люфтваффе и войска СС. Это был достаточно низкий показатель. Для сравнения: на 1 июля 1943 г. на Востоке было 3,14 млн человек, на 22 июня 1941 г. – 3,3 млн человек, не считая люфтваффе. Соответственно, летом 1943 г. немецким войскам противостояли 6,8 млн человек в составе действующих фронтов и отдельных армий. Неудивительно,

что летом 1944 г. Красная армия быстро и успешно наступала, а летом 1943 г. наступление шло с большим трудом и немалыми потерями, а на некоторых участках (Мгинские операции под Ленинградом, Изюм-Барвенковская операция и наступление Миус-фронта в июле 1943 г.) и вовсе оказывалось неуспешным. Одним словом, оказалось бы странно подумать, что победы 1944–1945 гг. не опирались на тяжелые бои 1942–1943 гг. Они были подготовлены в тех боях, разгром группы армий «Центр» стал не в последнюю очередь следствием «снятия с нее стружки» в предыдущие годы войны.

Разумеется, в случае отсутствия упреждения в мобилизации и развертывании численность действующей армии Советского Союза будет иной, нежели в реальном 1941 г. Поэтому оперировать реальным соотношением сил летом 1941 г. в оценке возможного развития событий по сценарию «бьем первыми» будет грубой ошибкой. Отмобилизованная и развернутая Красная армия сможет выставить против вермахта куда более внушительные силы, чем слабые армии прикрытия особых округов. Согласно февральскому (1941 г.) мобилизационному плану (известному также как МП-41) общая численность Красной армии, не считая фор-

мирований гражданских наркоматов, должна была составить 8 682 827 чел. военнослужащих и 18 880 чел. по вольному найму. Это весьма близко к 9 млн общей численности Красной армии к лету 1944 г. Если 9-миллионная армия 1944 г. выставила на фронт 6,7 млн человек, то 8,7-миллионная армия, поднятая по МП-41, должна выставить на фронт не менее 6,5 млн человек. Это приводит нас к реалистичной оценке общего соотношения сил для сценария «бьем первыми». Скорее всего, это будут 6,5 млн человек с советской стороны и 3,3 млн человек со стороны Германии.

Союзники Германии в этих расчетах, заметим, не учитываются. Однако использование союзных войск вряд ли будет выше уровня реального 1941 г. и реального 1944 г. Эту составляющую предлагаю сознательно вынести за скобки.

Так называемая группа Антонеску на июнь 1941 г. насчитывала 326 тыс. человек. Летом 1944 г. Румыния достигла максимума мобилизационного напряжения, под ружье были поставлены свыше 1 млн человек. При этом моральное состояние румын после Сталинграда и разгрома в Крыму в мае 1944 г. было куда ниже, чем в 1941 г., что нивелировало увеличение численности. Венгерская армия заметно подросла от нескольких бригад 1941 г. Тем не менее качественного изменения ситуации учет войск союзников нам не даст.

С этой точки зрения соотношение сил в расчетном 1941 г. (без упреждения в мобилизации и развертывании) будет весьма далеко от реального июня 1944 г. Можно даже сказать больше: позади будет оставлен даже июль 1943 г. с его тяжелым преодолением «Цитадели». К сожалению, соотношение сил сторон будет для СССР даже хуже, чем летом 1942 г. Тогда 2,85 млн человек в германской действующей армии на востоке противостояли 5,7 млн человек в действующих фронтах и отдельных армиях Советского Союза. Как известно, при таком соотношении сил немцы смогли обрушить весь южный сектор советско-германского фронта, дойти до Волги и Кавказа. Ожидать при схожем соотношении сил стремительного проведения Висло-Одерской операции силами КВ-2 и Т-34 с Л-11, очевидно, не приходится. Конечно, Красная армия летом 1942 г. страдала от нехватки вооружения и боеприпасов ввиду эвакуации промышленности. Однако и вермахт был уже изрядно потрепан зимней кампанией 1941/42 г. К тому же большая часть истребительной авиации люфтваффе уже была на Западе. В июле 1942 г. 29 групп немецких истребителей были на Западе и Средиземноморье, 20 – на Восточном фронте и 4 – в Норвегии.

Шоссейный мост под Алитусом (NARA, фото из оперативных документов 3 ТГр).

Здесь, вспомнив об авиации, мы плавно переходим от общего соотношения сил к частностям. Еще одним принципиальным отличием реального июня 1944 г. и января 1945 г. от расчетного лета «первого удара» 1941 г. будет соотношение сил в воздухе. Причем как на количественном, так и на качественном уровне. На 31 мая 1944 г. из 4475 самолетов люфтваффе на Восточном фронте в составе 1, 6 и 4-го воздушных флотов было 1693 самолета (317, 688 и 688 самолетов в соответствующих флотах). Меньше половины общей численности германских ВВС, как мы видим. Еще 193 самолета было в 5-м воздушном флоте в Финляндии и Норвегии, действовавшем на Востоке и Западе одновременно. Самым многочисленным был воздушный флот «Рейх», ответственный за ПВО Германии, – 1348 самолетов. Из 1051 одномоторного истребителя в люфтваффе в целом в воздушном флоте «Рейх» было 444, в 6-м воздушном флоте, в центральном секторе советско-германского фронта – всего 66. Пропишью: шестьдесят шесть! К началу «Багратиона» это количество даже снизилось и упало до 40 машин. Хотим мы этого или нет, но воздушное наступление англо-американских ВВС оттягивало значительные силы с Восточного фронта. В случае «первого удара» в 1941 г. такого жесткого прессинга с воздуха на Западе, разумеется, не будет. Люфтваффе сможет без особого ущерба сосредоточить все свои силы для борьбы за небо на Востоке. На 21 июня 1941 г. в люфтваффе было 4882 боевых самолета, в том числе 1440 одномоторных истребителей. Нетрудно догадаться, какой воздушный флот будет самым многочисленным в случае «первого удара». Это будет один из воздушных флотов на Восточном фронте, скорее всего, на направлении главного удара Красной армии – на Украине (точнее, в Южной Польше). Авиации Юго-Западного фронта будет противостоять отнюдь не 40 истребителей, как трем фронтам в «Багратионе», а куда большее их число.

С позиции ВВС Красной армии ситуация также выглядит неблестящей. Боевых самолетов в советских ВВС в 1944 г. было все же больше, чем в июне 1941 г. Кроме того, в 1944 г. авиация объединялась в воздушные армии, позволявшие более гибко и эффективно ее использовать. На 22 июня 1941 г. фронтовая авиация, предназначенная для совместных действий с сухопутными войсками, была представлена собственно фронтовой, армейской и войсковой

авиацией. В современном понимании этого термина к «фронтowej авиации» относятся все три группы. Поэтому целесообразнее называть фронтową авиацию 1941 г. фронтowej группой авиации. Армейская авиация в составе смешанных авиационных дивизий подчинялась непосредственно армиям, точнее командующим ВВС общевойсковых армий. Фронтová группа авиации, состоявшая из истребительных и бомбардировочных авиационных дивизий, подчинялась командованию фронта. Войсковая авиация – это корректировочные эскадрильи и эскадрильи связи на самолетах У-2.

Подобная схема фактически распыляла силы ВВС фронта, размазывая половину боевых самолетов по армиям. Командование фронта не имело возможности осуществить массирование ВВС в своих руках на важнейшем направлении. В отражении удара противника или в наступлении могла принять участие авиация армии, в полосе которой происходили эти события, и авиация фронта. В это же время на более спокойных участках фронта подчиненная армиям авиация бездействовала или занималась решением малозначительных задач. От этого ушли только в мае 1942 г., когда были созданы воздушные армии. Они объединяли все авиадивизии фронта в одну организационную структуру и облегчали маневр авиацией и в наступлении, и в обороне. Командование фронта через штаб воздушной армии могло массировать усилия авиации на ключевом направлении. Это также улучшало качество управления авиацией. Отнюдь не все общевойсковые командующие были достаточно компетентны для правильной постановки задач ВВС. Армейская авиация в реальном 1941 г. далеко не всегда использовала свой потенциал именно по этой причине.

Второй шоссейный мост под Алитусом (NARA, фото из оперативных документов 3 ТГр).

Развитие событий в воздухе над «первым ударом» в свете вышесказанного нетрудно спрогнозировать. Первый удар, скорее всего, будет достаточно результативным. Какое-то время советские летчики станут даже господствовать в воздухе. Однако вряд ли этот удачный дебют будет длиться бесконечно. Успешное наступление войск Красной армии на том или ином направлении, словно магнит, будет притягивать к себе группы и даже целые эскадры немецких истребителей. Действующие в интересах наступающих механизированных и стрелковых корпусов советские бомбардировщики и штурмовики станут встречать плотные группы немецких истребителей. Собственно, будет повторяться сценарий атак на «механизированные колонны» лета 1941 г., только в несколько откорректированном виде. Ареной ожесточенных воздушных боев станут узловые пункты советского наступления.

Специфика организационной структуры ВВС КА сыграет здесь свою отрицательную роль. Авиация армий на направлении главного удара окажется быстро перемолота в таких боях. Усилить ослабевшие армейские авиадивизии фронтowому командованию будет, строго говоря, нечем. Одновременно наступающие мехкорпуса подвергнутся ожесточенным бомбардировкам. Собственно говоря, я здесь даже не просчитываю некое гипотетическое развитие событий, а описываю в общем виде их реальный ход в некоторых советских операциях 1942–1943 гг. Точно так же, как массированные бомбардировки останавливали контрудары мехкор-

пусов в реальном 1941 г., а также в 1942 г. и 1943 г., они будут останавливать наступление мехкорпусов «первого удара» в глубине немецкой обороны.

Если летом 1943 г. немецкая авиация остановила наступление 1-го танкового корпуса под Орлом, то что ей мешает останавливать мехкорпуса в «ударе первыми»? Заметим также, что в 1941 г. советские легкие танки были все же куда уязвимее для ударов с воздуха, чем летом 1943 г. Советские танковые командиры, участвовавшие в контрударе под Лепелем в июле 1941 г., едва ли не в один голос говорят о высоких потерях от авиации.

С тактической точки зрения ситуация кажется практически одинаковой с контрударами реального 1941 г. Наступающий советский мехкорпус будет встречен наспех построенной обороной немецкого резерва где-то в глубине территории. Сломать оборону этих резервов помогает авиация, которая будет расчищать воздух от советских МиГов и СБ, а также наносить удары по боевым порядкам мехкорпусов. Это станет повторением атак 6-го мехкорпуса под Гродно 25 июня или 8-го мехкорпуса под Берестечко 26 июня 1941 г. В обоих случаях советские танковые части были принуждены к отходу мощными авиаударами.

Разбитый под Алитусом танк Pz.IV.

Однако на этом сравнение сил сторон можно пока завершить. Общее соотношение сил на земле и в воздухе, безусловно, важно, но в начальный период войны на него накладывается своя специфика. Войны еще нет, стороны лишь только разворачивают свои вооруженные силы на общей границе. В реальном 1941 г. мы были упреждены в мобилизации и развертывании. Рассматривая альтернативные варианты, нужно прежде всего определиться с тем, в каком положении окажутся Германия и ее вооруженные силы. Она вполне может оказаться упрежденной в развертывании. В этом случае соотношение сил в приграничном сражении может стать куда более выгодным для Красной армии, чем рассчитанное выше, исходя из фактической численности и МП-41. Очень многое зависит от «градуса» упреждения, то есть от того, на каком этапе своего развертывания германская армия попадет под удар советских войск. Вышеприведенное соотношение сил – это количество войск, которое стороны могут выставить на общую границу в наилучшем для себя варианте. Другими словами, это численность войск на общей границе в случае, если и вермахт, и Красная армия успевают завершить развертывание. Такой вариант тоже нельзя исключать, хотя он представляется далеко не самым вероятным.

Наилучшим с точки зрения соотношения сил представляется вариант, когда Гитлер вовсе отказывается от проведения «Барбароссы» в 1941 г. Например, получив новые разведанные о численности советских вооруженных сил, количестве танков и самолетов в Красной армии.

Эти данные могли заставить пересмотреть наряд сил для проведения операции по выходу на линию Архангельск – Астрахань. Соответственно, подписание Директивы № 21 в декабре 1940 г. могло не состояться.

Теоретически в этом случае к июню 1941 г. могла остаться неизменной группировка войск на границе с СССР по состоянию на начало года. Это, напомним, всего 26 дивизий. В этом случае вермахт в Генерал-губернаторстве (оккупированной Польше) мог ждать действительно эпический разгром в стиле Висло-Одерской операции января 1945 г. Эти 26 были бы просто сметены советским ударом.

Однако сдвиг «Барбароссы» на 1942 г. ввиду осознания военной мощи Советского Союза, скорее всего, привел бы к наращиванию группировки на Востоке в оборонительных целях. На 26 дивизий надеяться не приходится. Красную армию встретили бы развитая система инженерных заграждений, севшие в плотную оборону 70–80 пехотных дивизий с двумя-тремя моторизованными корпусами во втором эшелоне. Учитывая проблемы с взаимодействием с инженерными частями, продемонстрированные Красной армией в Финляндии, прогрызание такой обороны могло стать достаточно долгим делом. Это дало бы немцам время на переброску резервов из фатерлянда и с Запада.

Сгоревший под Алитусом танк БТ. На заднем плане виден подбитый и сгоревший немецкий Pz.IV.

Наиболее вероятным представляется вариант, когда советский удар застанет германские войска на одном из завершающих этапов развертывания для «Барбароссы». Например, если советское руководство примет решение запустить процесс мобилизации и развертывания, а вермахт будет задержан Балканской кампанией. В этом случае Красной армии на западе будут противостоять от 70 до 90 немецких пехотных дивизий. Основные силы танковых групп, включенные, как известно, в последний эшелон для выдвижения к границе с СССР, будут еще в пути.

«Первый раунд. Разя огнем, сверкая блеском стали...»

Итак, предположим, что в начале июня 1941 г. вермахт оказывается упрежден в развешивании. Танковые группы находятся на ранних стадиях перевозки на восток. Подвижные резервы трех групп армий сравнительно немногочисленны, и основным противником перешедшей в наступление Красной армии становится пехота. Германская разведка вряд ли останется слепой и глухой, особенно в последние дни советских приготовлений. Поэтому вряд ли советские дивизии встретят на границе пустые позиции. Подготовленные для «Барбароссы» соединения будут, скорее всего, в последние дни и часы подтянуты к границе и займут пограничные укрепления.

Однако пехотные соединения германской армии в 1941 г. были крепким орешком. Это еще девятибатальонные дивизии, то есть из девяти батальонов в трех пехотных полках. Переход на характерные для немцев во второй половине войны шестибатальонные пехотные дивизии (по два батальона в полку) наметился в 1942 г. и состоялся окончательно во второй половине 1943 г. Немецкая пехота июня 1941 г. была хорошо укомплектована, и взломать ее оборону оказалось бы не так-то просто. Это, скорее всего, удастся Красной армии лишь на направлениях, где имеется общее двойное-тройное численное превосходство над противником, с внушительным перевесом на направлении главного удара. Такое превосходство было у Красной армии на Украине, на Юго-Западном фронте.

Целью перешедших в наступление войск Юго-Западного фронта являлись классические «канны» для немецких войск в Южной Польше. 5-я армия генерала Потапова из района Ковеля била на Люблин с востока. Ее эшелонам развития успеха были два мехкорпуса: 22-й Кондрусева и 9-й Рокоссовского. В них находились в основном легкие танки, только во 2-м мехкорпусе имелся 31 неповоротливый КВ-2. 6-я армия генерала Музыченко перешла в наступление на Люблин с северного фаса Львовского выступа. Ее танковый кулак был не в пример мощнее: 4-й и 15-й механизированные корпуса генералов Власова и Карпезо с сотнями новых танков. Первые потери они понесли уже при прорыве вражеской обороны – танковые части пришлось вводить в бой, а не в чистый прорыв. Однако, вырвавшись на оперативный простор, мехкорпуса Власова и Карпезо уверенно продвигались вперед, к Люблину. Казалось, что до замыкания кольца окружения остаются считанные часы. Центр «канн» образовывала 20-я армия Курочкина. Поворот на Люблин открывал левый фланг двух советских мехкорпусов. Однако это было предусмотрено планом. С «макушки» Львовского выступа через Перемышль на Тарное и далее к Висле прорывались войска 26-й армии Костенко. Ее главной ударной силой был 8-й механизированный корпус генерала Рябышева. За ним шел 16-й мехкорпус комдива Соколова.

Подбитый под Алитусом танк БТ-7.

Под их ударами немецкие части отходили дальше на запад, к Висле. Тем самым также на запад сдвигалась угроза флангам 4-го и 15-го мехкорпусов. Поначалу настроение в частях было приподнятое. Однако по мере продвижения к Люблину новые КВ и Т-34 все чаще оставались на обочинах дорог. Горели фрикционы, ломались коробки передач, выходили из строя двигатели. Также все чаще над колоннами грузовиков стали появляться самолеты с крестами на крыльях. Поначалу их атаки успешно отражали остроносые МиГи 15-й авиадивизии. Но самолетов с крестами становилось все больше, а краснозвездных истребителей – все меньше. «Юнкерсы» и «хейнкелы» все чаще атаковали колонны с горючим и боеприпасами. Нередко немецкие бомбардировщики появлялись над полем боя, обрушивая град бомб на артиллерийские позиции и даже атакующие танки и пехоту.

Какие контрмеры можно будет ожидать от немецкого командования? История войны дает нам обширный материал для построения возможной стратегии и тактики вермахта в гипотетическом оборонительном сражении лета 1941 г. Типичным приемом германской армии в такого рода операциях было стягивание на опасное направление крупных сил авиации. Более того, чаще всего именно авиация прибывала к полю сражения раньше всех и наносила первые удары по наступающим советским частям. Люфтваффе обладало достаточно гибкой структурой в лице воздушных флотов и авиакорпусов. Также немецкие командующие не стеснялись дробить даже такие структуры, как бомбардировочные и истребительные эскадры по группам (примерно по 40 самолетов). Одна группа могла защищать рейх в ПВО, другая – действовать под Ленинградом, третья – под Курском.

Авиация Юго-Западного фронта в реальном июне 1941 г. насчитывала около 2 тыс. самолетов в 46 авиаполках. Истребительная авиация насчитывала 1166 боевых машин (159 МиГ-3, 64 Як-1, 450 И-16, 493 И-153). Как мы видим, истребителей новых типов было меньшинство, 20 % общей численности. Однако не следует думать, что в варианте «Красная армия бьет первой» эта группировка будет неизменной. По «Соображениям...» от 15 мая 1941 г. Жуков широким жестом отписал юго-западному направлению 91 полк авиации. Разумеется, нужно учитывать, что этот наряд сил включает в себя полосу Одесского округа, позднее отданную Южному фронту. Тем не менее в бой Юго-Западный фронт должен был пойти не с 46 пол-

ками авиации, а с несколько большим их количеством. Нарастить группировку авиации фронта предполагалось за счет авиации внутренних округов. Вместе с армиями внутренних округов в штатном варианте прибывала также их авиация. На 1 июня 1941 г. внутренние округа (АрхВО, МВО, ПриВО, ОрВО, ХВО, СКВО, УрВО и СибВО) насчитывали 1856 боевых самолетов, в том числе 1613 исправных. Новые истребители были только в Московском округе: 67 МиГ-3 и 69 Як-1. По понятным причинам новые машины шли в первую очередь на укомплектование приграничных округов. Так что заметной качественной прибавки парка истребителей ожидать не приходится, только количественной. Однако отоброшенный и развернутый Юго-Западный фронт пойдет в бой не менее чем с 2500–2700 самолетами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.